

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ВСТРЕЧА

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Встреча

Аннотация

«Я добрался, наконец, до парохода и отдыхаю после душного дня, тряски перекладных и пыли, от которой час отмывался и все-таки как следует не отмылся.

Надел чистый китель военного врача, причесался, заглянул в зеркало. Да, вот какая-нибудь такая игра природы: круглые глаза, нос крючком, кувшинное лицо – мелочь с точки зрения бесконечности там, а в обыденной жизни – вся жизнь на смарку...»

Николай Гарин- Михайловский

Встреча

Я добрался, наконец, до парохода и отдыхаю после душного дня, тряски перекладных и пыли, от которой час отмылся и все-таки как следует не отмылся.

Надел чистый китель военного врача, причесался, заглянул в зеркало. Да, вот какая-нибудь такая игра природы: круглые глаза, нос крючком, кувшинное лицо – мелочь с точки зрения бесконечности там, а в обыденной жизни – вся жизнь на смарку.

И в миллион сто первый раз проговорив себе: «ну и черт с тобой!» – пошел наверх в общую залу.

Солнце село, темнеет. День кончился, но свет электрических лампочек еще борется с последним отблеском вечерней зари. В противоположном зеркале отражается движущийся берег реки, охваченный бледным, умирающим просветом запада, но рядом из окна на юг уже глядит синего бархата темный вечер, мягкий, теплый. Может быть, для какого-нибудь всесветного туриста в сравнении с каким-нибудь вечером юга, с его красками этот вечер Волги и ничего не стоит, но нам, маленьким людям, после будничной жизни в местечке с полком, этот вечер – рай земной.

А вот и музыка. Какая-то дама в том конце залы играет. Мне видны только ее голубая, цвета небесной лазури, накидка, яркого красного шелка кофточка, перехваченная стройно высоким поясом, да ее красивые волнистые светлые волосы.

После моей трущобы и эта музыка и мирный шум воды волнуют душу, будят какие-то воспоминания. Воспоминания у меня, у военного врача, да еще с такой почтенной рожей доктора?!

Какой-то господин вошел. Моих лет, а может быть, и моложе. Высокий, худой, с манерами светского человека.

Лицо продолговатое, черная бородка ярче оттеняет матовую бледность, глаза черные, ласковые, слегка усталые. Немного горбится, но чувствуется, что его сгорбленная фигура может еще быть и прямой и молодой. Это не то, что моя медвежья фигура начинающего добреть армейца, с аршинной ступней. Там резец тонкий. Что-то в фигуре неудовлетворенное. Быстро вдруг подошел ко мне и, слегка гортанным, приятным голосом проговорил:

– Мы, кажется, были с вами знакомы в университете?

– Да, кажется...

В горле у меня, как у привыкшего молчать провинциала, что-то застряло и потребовалось откашляться, что я и принялся проделывать, выпуская из своей обширной гортани разнообразные стаккаты.

– Вы мало переменились, – проговорил он, – то же молодое лицо... Оно так и осталось у меня в памяти... и я сейчас

узнал вас. Около вас всегда был кружок ваших почитателей и я, тайный...

Он наклонился, детская улыбка осветила его лицо. Я смутился, махнул рукой и угрюмо ответил:

– Да это уж забыть надо!

– Вы – доктор?

– Да, как видите... А вы?

– Сперва с вами на естественном был, потом на юридический перешел... Дослужился до товарища председателя окружного суда, теперь присяжный поверенный...

«Да, вот, – думал я, – товарищем председателя уже успел побывать... Вот как делают люди карьеру... а ты в полку, в местечке, в одиночном заключении, с живой могилой всяких юношеских мечтаний...»

Он сел против меня на стуле, я опустил на свой диван, расставив ноги мешком по провинциальной манере, весь ушедший в себя, весь отдавшийся своим черным мыслям.

Мы еще о чем-то говорили. Он сообщил мне, что он женат, отец семейства, что-то еще вспоминали, но так как вспоминать было нечего, то и разговор наш клеился плохо.

Дама кончила играть, встала, смерила нас взглядом, как бы раздумывая, и лениво позвала:

– Александр Павлович!

Черноцкий, мой товарищ, встав, проговорил, как бы в оправдание, указывая ей на меня:

– Неожиданная встреча двух товарищей...

Она сделала какой-то скучающий намек на улыбку и такое выражение, как бы говорила: что мне до этого?

Я поднялся, чтоб уйти, и на вопрос Черноцкого ответил благодушно:

– Хочется немного на палубе посидеть.

Они оба подарили меня благодарным взглядом. Не трудно, в сущности, заслужить людскую благодарность.

Кто она, жена его?

Сажу на палубе и думаю, что теперь было бы, если б я сидел в своем местечке?

Время к ужину – денщик накрывает толстого полотна скатерть на стол, ставит неизменный судок, рюмку с надбитой шейкой, графинчик, холодную отварную говядину, хрен.

Вваливается субалтерн-офицер, забулдыга Кирсановский, и начинает приговаривать:

– Маленькая котлетка и четверть баранины – и сыт человек; маленькая рюмка рябиновки и четверть очищенной – и пьян человек; маленькая подушечка, еще что-то – и спит человек!

Человек все-таки, а не животное. И десять лет с таким товарищем!

– Э-эх! – несется мой густой вздох по палубе. Оглядываются: какой такой бегемот вылез из воды и вздыхает?

– Ну что ж, ужинать и спать.

Спустился в рубку, заказал поросенка под хреном, водки, пива, полпорции свежей икры. Достал книгу.

Вошел еще какой-то господин, жиденький, пожилой, с редкими, зачесанными седыми волосами, со взглядом, в котором чувствуется претензия какая-то. Господин прошел на палубу и скоро возвратился с дамой в голубой накидке. Черноцкий шел за ним, ленивый и угрюмый.

Господин, а за ним и она прошли в край залы, где стоял рояль, а Черноцкий, дойдя до половины стола, остановился в раздумье. Он лениво протянул руку, нажал пуговку и, когда вошел человек, бросил:

– Карточку...

Затем, обратившись к седому господину, проговорил с почтительной фамильярностью:

– А вы, ваше превосходительство, не проголодались еще?

Его превосходительство довольно сдержанно ответил:

– Н-нет.

Но дама, быстро проговорив: «а я голодна», подошла к Черноцкому и начала рассматривать с ним карточку. Она стояла спиной к пожилому господину, но лицом к Черноцкому и ко мне.

– Что ест ваш товарищ?

– Вы что едите?

Я покраснел, поднял глаза и встретился с ее взглядом.

– Поросенка под хреном.

Она слегка усмехнулась, перевела глаза на Черноцкого, – очевидно, Черноцкий не ее муж: на мужей так не смотрят.

Она поймала мой взгляд и твердо смотрит, и глаза смеют-

ся. Ну, бабенка! А Черноцкий же при чем тут?

– Познакомьте же меня...

Черноцкий смущен.

– Гм... – он комично косится на генерала, изображает некоторое затруднение в лице и говорит официальным голосом светского человека: – Позвольте вам представить моего товарища...

Затем Черноцкий, делая движение в сторону господина, говорит:

– Ваше превосходительство, позвольте вам представить...

И мы с генералом, с кислыми физиономиями, идем друг к другу.

Я понял этот маневр, когда супруг от перспективы разговаривать с такой особой, как я, – а ничего другого, очевидно, для него не предназначалось, – предпочел, сделав озабоченное лицо, сбежать в каюту.

Мы остались втроем в зале, и я недоумевал: что же мне теперь делать? Роль моя, очевидно, была сыграна. Доесть и спать.

Но она обошла вокруг стола и села совсем рядом со мной.

Руку свою, выше локтя оголенную, она положила на стол, облокотила на нее свою голову и смотрела на меня так, что мне казалось, что она в это время думала: «Пожалуйста, не думай, что твоя физиономия может меня испугать или быть неприятной».

В ответ на это я только усердно засовывал себе в рот гро-

мадные куски своего поросенка.

Она усмехнулась и проговорила:

– Не подавитесь...

– Благодарю за совет; буду рад в свою очередь быть полезным.

– Уговорите вашего товарища высадиться вместе с нами.

Я посмотрел на Черноцкого. На мгновение лицо его сделалось чернее ночи, но он ничего не ответил и, отойдя к окну, стал смотреть на реку.

Я молча развел перед ней руками и проговорил:

– Нельзя ли что-нибудь попроще, вроде: пиль, апорт...

Она усмехнулась. Подошел Черноцкий.

– Мы ведь ничего еще не заказали.

– Так заказывайте.

– Я не знаю, чего вы хотите?

– Должны знать.

– Marie! – позвал жену из коридора голос супруга. Она вышла; возвратилась и сухо проговорила:

– Я не буду ужинать... Прощайте...

Она бросила многозначительный взгляд Черноцкому, протянула нам руку; пройдя до коридора, остановилась там и, положив руку на косяк, повернула голову к Черноцкому:

– Вы поедете с нами?

Черноцкий в ответ быстро подошел к ней, с ней вместе прошел в коридор, и, завернув, оба они исчезли на палубе.

Через несколько минут на мгновение заглянула фигура

супруга, скользнула по мне холодным, даже ледяным взглядом, как будто я и был главный виновник всего, и скрылась.

Я подождал еще, встал и ушел в общую мужскую каюту.

Чьи-то еще вещи лежали, кроме моих, на одной из коек. Вероятно, Черноцкого и больше никого: спать будет просторно, не душно. Какой-то червяк неудовлетворения сосал меня, как будто сильнее даже, чем там, в местечке.

Если там сон, который должен перейти и так и перейдет в смерть, если такова неизбежная судьба, то там сон без пробуждения, без скучного сознания, которое буравит, что вот-де не для тебя весна придет, не для тебя все эти ароматы какой-то, может быть, и пошлой по существу жизни, но красивой, яркой, с этими красавицами...

Ведь человек и я как-никак, и если ко всяким «ничего» нет и этого, то к чему же, наконец, сводится жизнь?

Ведь десять лет сна в казематах своего местечка с субалтерн-офицером Кирсановским!

Ел, пил, спал сорок лет; ел, пил, спал пятьдесят лет...

Ну, и спи, жалкое, униженное жизнью, природой и судьбой существо; ешь, пей, спи в своем сером погребке жизни и смотри в свое зеркало, но не смей претендовать, не смей думать, что можешь увидеть ты там какое-нибудь другое отражение, кроме торчащего там уродо-образины.

И вот крючок, на котором закопченным окороком смиренно висишь, чтобы, повернувшись неосторожно, не сорваться и не полететь в какую-то уже окончательную бездну.

Черноцкий вошел. Он был задумчив, рассеян. Некоторое время он стоял, затем решительно начал раздеваться.

Значит, не поедет с ней. Молодец. Почему – молодец? Добродетель удовлетворена? А мне что за дело? Не за добродетель, а за характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.